

П. ОНДРУС

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЕ И КЛАССИФИКАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТОВ

1. Дискуссии о характере и классификации социальных диалектов время от времени возобновляются по мере того, как в их изучении достигаются новые результаты¹.

Пока были известны главным образом арготеклассифицированных общественных групп и молодежные сленги, велось изучение характера, основных функций и особенностей использования языковых показателей и средств этих двух типов социальных диалектов. Когда же был достигнут прогресс в изучении арготеклассифицированных ремесленников, были раскрыты его сущность, функция и особенности использования языковых средств этого арготеклассифицированных социальных слоев и арготеклассифицированных ремесленников. В последнее время было обращено внимание и на изучение, с одной стороны, «тайного языка» детей, а с другой стороны, так называемого профессионального диалекта.

В данной статье мы попытаемся — в той мере, в какой это позволяют современные достижения в сборе и интерпретации материала арготеклассифицированных социальных диалектов, — на базе сопоставления сходных и отличительных черт данных типов социальных диалектов, их функций и языковых признаков, предложить не только характеристику, но и классификацию социальных диалектов, соответствующую результатам их исследования в новейшее время.

2. С точки зрения функции общей чертой всех упомянутых социальных диалектов является то, что все они используются как средство общения между членами определенной группы. Их различие заключается в той роли, которую они выполняют: в то время как жаргон² и сленг имеют экспрессивную функцию, арготеклассифицируется конспиративной ролью.

¹ К дискуссии о характере и классификации социальных диалектов в Западной Европе см., например, работу И. Йордана «Романское языкознание» (М., 1971, стр. 530—539), а также информативную статью М. Н. Петерсона «Язык как социальное явление» («Уч. зап. Ин-та языка и литературы РАН ИОН», I, 1927, 20). Социальным диалектам русского языка уделял внимание В. М. Жирмунский в труде «Национальный язык и социальные диалекты» (Л., 1936); см. также: Ф. П. Филин, К проблеме социальной обусловленности языка, в кн.: «Язык и общество», М., 1968. Материал русского языка по арготеклассифицированных ремесленников и торговцев, собиравшийся в течение двух столетий, обобщил В. Д. Бондалетов в докторской диссертации «Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев» (Л., 1966). Результаты исследования социальных диалектов в Болгарии учитывал Ст. Стойков в статье «Социальные диалекты» (ВЯ, 1957, 1). На опыт изучения данной проблематики в польской языковой среде опирается Р. Дейна в статье «W sprawie terminów: język, dialekt, gwara, żargon» («Rozprawy Komisji językowej», 3, Łódź, 1955, стр. 151—156). В Чехословакии описанием социальных диалектов занимались Ф. Оберпфальцер (см. статью «Argot a slang», в кн.: «Československá vlastivěda», III — Jazyk, Praha, 1934, стр. 311—376) и в последнее время П. Ондрус (см. статью «Z problematiky sociálnej dialektológie na Slovensku», в кн.: «Studia Academica Slovaca», 3 — Prednášky X. letného seminára slovenského jazyka a kultúry, Bratislava, 1974, стр. 220—228).

² В словацких условиях жаргон не сложился. О жаргоне в русском языке пишет А. И. Горшков в книге «История русского литературного языка» (М., 1961, стр. 125—126).

Общим для воровского аргю, аргю ремесленников-отходников и торговцев, а также аргю детей является то, что каждое из них используется как средство общения между членами своей группы и каждое имеет одинаковое назначение: скрыть содержание информации от тех, кто не является членом их социальной группы. Конечно, они имеют отличные языковые признаки, обусловленные расхождением функций отдельных аргю.

Если сопоставляемые социальные диалекты мы соотнесем с так называемым профессиональным диалектом, то экспрессивный и конспиративный характер социальных диалектов выявится особенно четко. В то время как главная роль так называемого профессионального диалекта состоит в том, чтобы служить средством информации об относительно сложных приемах ремесла и домашнего производства³, основной функцией сленгов является функция экспрессивная — стремление вызвать при коммуникации впечатление чего-то особенного, оригинального⁴. В свою очередь все разновидности аргю отличаются от сленга тем, что их главной целью является не производить впечатление оригинальности, а скрыть содержание информации от тех, кто не входит в состав их социальной группы. Именно различием цели определяется дифференцированность экспрессивных и конспиративных социальных диалектов по их языковым признакам — прежде всего в сфере лексики.

Как же проявляется эта дифференцированность отдельных видов социальных диалектов? Для так называемых профессиональных диалектов типичны главным образом специфические выражения и иностранные слова, которые как составная часть лексики данного языка имеют характер специальных терминов. Их характерным свойством является тенденция (хотя и слабая) к однозначности. Эти выражения и термины нередко используются носителями данных диалектов на всей территории национального языка, и для представителей других профессий совершенно неизвестной бывает только их определенная часть. Для сленгов же типична намеренная деформация лексических средств, пристрастие к смысловым сдвигам и к синонимии: их спецификой является лексическая исключительность.

В отличие от так называемого профессионального диалекта и сленга, воровское аргю, а также аргю ремесленников-отходников и торговцев, предполагают лексический «билингвизм», естественно, при сохранении единства звукового и грамматического строя. Дело в том, что носители аргю, наряду с обычной лексикой данного языка (литературного, городского, местного говора и т. п.), на базе которого возникло аргю, используют и специальные слова, помогающие утаивать содержание информации, передаваемой другому носителю их тайного языка.

Однако в деталях лексическое «двуязычие» указанных аргю различается. В то время как специфическая лексика воровского аргю подчеркивает преступную «специализацию», особая лексика аргю ремесленников-отходников и торговцев охватывает все сферы жизни⁵: она включает наименования из области природы, жизни человека, производства и др.

В детском аргю лексический «билингвизм» отсутствует. Этим аргю детей отличается от двух вышеназванных аргю (воровского аргю и аргю ремесленников-отходников и торговцев). Помимо этого, детское аргю отличается от остальных аргю и другими свойствами.

³ См. об этом: P. Ondrus, Výskum slovnej zásoby slovenských nárečí, Bratislava, 1966, стр. 26—269.

⁴ См., например: S. Kríštof, Mládežnícky slang, «Studia Academica Slovaca», 3 — Prednášky X. ročného seminára slovenského jazyka a kultúry, стр. 83—111. Там же указана и другая литература.

⁵ См.: В. Д. Бондалетов, указ. соч., стр. 11.

Если носителями воровского аргю, а также аргю ремесленников-отходников и торговцев, являются прежде всего люди взрослые, то носителями детского аргю бывают в основном лица от восьми до четырнадцати лет. Это и определяет основную функцию тайного языка детей: его цель — утаить содержание информации не только от взрослых и детей старшего возраста (которым более четырнадцати лет), но и от тех детей, которые моложе восьми лет, и даже от ровесников с той же или соседней улицы⁶. Место детей в социальной структуре общества обуславливает особое положение детского аргю среди других тайных языков. Его особое положение еще больше подчеркивается языковыми признаками. Как мы уже отметили, в аргю детей отсутствует лексический «билингвизм». Детские тайные языки берут из своих языков (литературного, городского, местного говора), бытующих в той среде, где дети вырастают, весь словарный состав, и для утаивания содержания информации они не образуют новых слов и не заимствуют иностранных, как это делают носители воровского аргю и аргю ремесленников-отходников и торговцев. Создатели детского аргю лишь «деформируют» слова и их формы. Деформация слов и форм носит здесь иной характер, чем в сленгах. В то время как носители сленга деформируют слова только в плане словообразовательном, пользующиеся детским аргю различным образом изменяют или звуковой облик слов и форм, или число слогов в словах и их формах. Деформация слов и форм в тайных языках детей осуществляется в соответствии со следующими принципами:

1. В словах и формах слов каждый гласный заменяется другим гласным. Иногда опускается первый гласный в начальном слоге слова или формы. Примером подобной деформации слов и форм могла послужить речь дошкольников, у которых иногда наблюдается замена гласных, близких в артикуляционном и акустическом плане⁷.

2. Односложные элементы или передвигаются за каждый открытый слог, или же ставятся перед каждым открытым слогом слова или формы. Моделью такой деформации слов и форм в детском аргю может быть метод чтения слогов в первом классе начальной школы⁸.

3. Значения слов в детском аргю утаиваются также путем изменения порядка слогов в словах и формах. Изменение порядка слогов в словах может комбинироваться с двусложными проклитическими и энклитическими элементами в словах и их формах и, кроме того, сопровождаться фонетическим удлинением или сокращением гласных, а иногда и ассимиляцией согласных на том месте слова или формы, на котором в данном языке, послужившем базой создания детского аргю, подобной ассимиляции, как правило, не бывает. Возникновение деформаций подобного типа опирается на фантазию детей примерно от восьми до четырнадцати лет.

Все способы деформаций в гайном языке детей детерминированы стремлением как можно полнее скрыть не только значение слов, но и содержание всего высказывания. Подобные средства не применяются столь однозначно ни в воровском аргю, ни в аргю ремесленников-отходников и торговцев. Эти средства обеспечивают детскому аргю особое место в кругу остальных социальных диалектов.

3. Из анализа социальных диалектов, из сопоставления сходных и отличительных черт отдельных разновидностей социальных диалектов вытекает следующее заключение:

⁶ В Словакии существует тайный язык детей на верхнем и нижнем конце деревни Горпа Вес (район Приевидза, среднесловацкая область).

⁷ Ср.: А. Н. Гвоздев, Вопросы изучения детской речи, М., 1961, стр. 7—31.

⁸ См. об этом: Н. С. Рождественский, В. А. Кустарева, Методика начального обучения русскому языку, М., 1965, стр. 32 и сл.

1. Сопоставление сходных и отличительных свойств социальных диалектов выявило основное различие не только между арго, жаргоном и сленгом, но и между отдельными типами арго — между воровским арго, арго ремесленников-отходников и торговцев и детским арго. Проведенное сопоставление позволило показать характерные признаки, присущие социальным диалектам.

2. Установление основных функций социальных диалектов дает возможность предложить детальную классификацию социальных диалектов с подразделением их на экспрессивные (жаргоны высших слоев классового общества; сленги, в частности, студенческие, военные и т. п.) и конспиративные (воровское арго, арго ремесленников-отходников и торговцев, а также детское арго).

3. Рассмотренный метод установления основных свойств и функций социальных диалектов помогает вычленил так называемый профессиональный диалект из круга социальных диалектов на следующем основании: главная роль профессионального диалекта — передавать информацию об относительно сложных приемах ремесла и домашнего производства в повседневной жизни. Для него не характерна функция экспрессивная или конспиративная, его нельзя рассматривать как особую разновидность социального диалекта. Для так называемого профессионального диалекта типичны главным образом особые выражения и, как правило, иностранные слова, которые в качестве составной части лексики местного диалекта, имеют характер специальных терминов. Эти выражения и термины в среде представителей тех же самых профессий употребляются на всей территории диалектов национального языка, и работникам других профессий совершенно непонятна лишь их определенная часть⁹.

Перевел со словацкого Л. Н. Смирнов

⁹ Тенденция к подобной характеристике профессионального диалекта проявляется в книге: J. Bělič, *Nástin české dialektologie*, Praha, 1972, стр. 9. В советской диалектологии принято мнение, что в данном случае речь идет о профессиональной лексике в местном говоре. Ср. статью Т. С. Котковой «К вопросу о производственно-профессиональной лексике говора и соотношении ее с терминологической лексикой литературного языка», сб. «Диалектная лексика, 1969», Л., 1971. Здесь же указана и другая литература.